20 МАЯ 1981

Советская Башкирия
г. Уфа

362

Недавно уфимский писатель и литературовед Мурат Галимович Рахимкулов завершил работу над рукописью новой литературно-краеведческой книги «Встречи с Башкирией. От Пушкина до Чехова» и представил ее в Башкирское книжное издательство.

В книгу вошел и большой очерк о биографических и творческих связях Л. Н. Толстого с Башкирией. Он написан на основе многолетнего изучения печатных и рукописных материалов, хранящихся в различных архивах страны. Учтены и новые, малоизвестные, и совсем не известные широкому читателю сведения о пребывании великого писателя в Башкирии.

Предлагаем вниманию читателей отрывки из очерка, где речь идет обо всех десяти поездках Толстого к башкирам и его жизни среди них.

На рубеже 60-х годов прошлого века Л. Н. Толстой увлекся проблемами воспитания и обучения: основал школы для крестьянских детей и издавал журнал «Ясная Поляна», в котором излагал свои педагогические воззрения. Кроме того, он вел большую работу по выборной должности мирового посредника в Крапивенском уезде Тульской губернии. Переутомив себя напряженной многогранной деятельностью, Толстой почувствовал серьезное недомогание и, по совету доктора Андрея Евстафьевича Берса, будущего своего тестя, решил ехать на кумыс в Самарскую губернию.

В эту поездку Толстой взял слугу Алексея Орехова и двух крестьянских детей— Василия Морозова и Егора Чернова. Эти мальчики были из числа тех «сорока маленьких мужичков», которые составили его яснополянскую школу. 12 мая 1862 года путники на лошадях выехали в Москву, затем по железной дороге в Тверь, оттуда на пароходе—в Самару. 27 мая они прибыли в Самару и снова на лошадях направились в башкирское кочевье на речке Каралык, в 130 верстах от города...

Толстой пил кумыс, купался, загорал. Целебный напиток и ароматный воздух ковыльных степей благотворно влияли на здоровье писателя. Во время отдыха он не был пассивным созерцателем окружающей действительности: обучал мальчиков грамоте, внимательно изучал жизнь, обычаи, нравы башкир, с удовольствием слушал их песни, сказки, легенды. На дружеское общение графа башкиры ответили взаимной симпатией: все, от старого до малого, полюбили доброго гостя. Толстой умел находить общий язык и со стариками, и с молодежью, шутил и смеялся, принимал участие во всех башкирских играх.

Вторично на Каралык Толстой приехал 15 июня 1871 года. Здоровье его вновь было расстроено усиленными занятиями, и снова врачи посоветовали ехать на кумыс. Поездка была вызвана не только необходимостью, но и той симпатией, которую писатель питал к обитателям самарских степей, кочующим башкирам. На этот раз его сопровождали шестнадцатилетний шурин Степан Берс и слуга Василий Суворов.

Сразу же по прибытии туда, 15 июня 1871 года, Толстой писал жене Софье Андреевне, что все «башкирцы» его «узнали и приняли радостно».

Толстой близко общался с башкирами и горячо полюбил их. В многочисленных письмах к жене и друзьям, написанных из Каралыка, он восторженно отзывался о доброте, гостеприимстве и талантливости башкир, его умиляла их непритязательность в быту и восхищала неописуемая красота и первозданность беспредельных девственных степей. В одном из писем он сообщает жене о том, как устроились они со Степаном Берсом в башкирской кочевке: «Живем мы в кибитке, неудобства жизни привели бы в ужас твое кремлевское сердце: ни кроватей, ни посуды, ни белого хлеба, ни ложек. Но неудобства эти нисколько не неприятны».

В другом письме он искренне радуется тому, что его «здесь все башкиры знают и очень уважают» и принимают «везде с гостеприимством, которое трудно описать. Куда приезжаешь, хозяин закалывает жирного курдюцкого барана, становит огромную кадку кумысу, стелет ковры и подушки на полу, сажает на них гостей...».

Кумыс, привольные чарующие степи, охота, солнце, вода, общение с радушными башкирами благотворно действуют на здоровье писателя. И уже через месяц после приезда на Каралык он пишет Софье Андреевне: «То, на что я жаловался—тоска и равнодушие—прошли; чувствую себя приходящим в скифское состояние, и все интересно и ново. Скуки не чувствую никакой... Я встаю в 6, в 7 часов пью кумыс, иду на зимовку (в деревне Каралык, находившуюся в двух верстах от летнего кочевья.—М. Р.), там читаю немного, хожу по степи в одной рубашке, все пью кумыс, съедаю кусок баранины, и, или идем на охоту, или едем, и вечером, почти с темнотой, ложимся спать».

Башкиры, с которыми дружески общался писатель, делились с «добрым графом» своими самыми сокровенными мечтами, рассказывали о далеком прошлом народа, знакомили с любимыми героями сказок. Внимательно прислушивался Толстой и к башкирским песням, интересовался историей возникновения той или иной мелодии, легенды. Особенно нравилось ему горловое пение—узляу.

Знакомство с легендами и преданиями, искусством певцов и кураистов позволило писателю глубже познать духовную жизнь и культуру башкирского народа, лучше узнать его историческое прошлое. Внимательно изучая быт башкир во время своих частых поездок, по окрестным деревням и кочевкам, он не уставал поражаться их честности и гостеприимству. «Ново и интересно многое: и башкиры, от которых Геродотом пахнет, и русские мужики, и деревни, особенно прелестные по простоте и доброте народа», — не перестает восхищаться Толстой в письмах к жене.

Со многими каралыкскими башкирами писатель подружился на долгие годы. Среди них были очень интересные, неординарные. Так, приготовлявший ему кумыс Мухамет Рахматуллин (русские звали его Романычем) был культурным и интеллектуальным человеком. Он знал арабский язык, хорошо говорил по-русски.

Писатель любил играть в шашки с башкиром Хаджимуратом. «На Каралыке Льва Николаевича больше всех развлекал шутник, худощавый, вертлявый и зажиточный башкирец Хаджимурат, а русские его звали Михаилом Ивановичем, — пишет Степан Берс в воспоминаниях. — Он удивительно играл в шашки и обладал несомненным юмором. От плохого произношения русского языка шутки его делались еще смешнее. Когда в игре в шашки требовалось обдумать несколько ходов вперед, он значительно поднимал указательный палец ко лбу и приговаривал: «большой думить надо». Это выражение заставляло смеяться всех окружающих, не исключая и башкир, и мы долго потом вспоминали его еще в Ясной Поляне».

Толстой находил много поэтичного в кочевой жизни башкир. Башкирию он называл «одним из самых благодатнейших краев России». В письме к А. А. Фету он, в частности, писал: «Край здесь прекрасный, по своему возрасту только что выходящий из девственности, по богатству, здоровью и в особенности по простоте и неиспорченности народа. Здесь очень хорошо и значительно все. Если бы не тоска по семье, я бы был совершенно счастлив здесь. Если бы начать описывать, то я исписал бы 100 листов, описывая здешний край и мои занятия».

Степь так полюбилась Толстому, а аборигены края настолько заинтересовали его, что он решил приобрести здесь участок земли в собственность. Подходящий участок нашелся недалеко от Каралыка. Он готов был купить это имение и даже рисовал себе перспективы будущего житья на новом месте, дело было за согласием жены. Однако Софья Андреевна была настроена скептически относительно жизни в сухом и безлесном крае. Желая рассеять сомнения жены, Толстой с большой энергией агитировал ее за приобретение имения в башкирских степях. «Только понятие твое о степи ложное, —пишет он жене.—Жить без дерева за 100 верст в Туле ужасно, но здесь другое дело: и воздух, и трава, и сухость, и тепло делают то, что полюбишь степь». Степь привлекала Толстого первозданностью, обилием дичи и рыбы в водоемах. «Выдь с ружьем, в 2 часа 20 раз выстрелишь. А в озерах кумысники ловят на удочку, и не переставая клюет», — восторгается писатель.

Намереваясь съездить в Уфу, он писал жене: «Поездка же в Уфу интересна мне потому, что дорога туда идет по одному из самых глухих и благодатнейших краев России».

Аккуратно выдержав шестинедельный курс лечения и восстановив свое здоровье, в конце июля Толстой возвратился в Ясную Поляну. Через месяц он съездил в Москву для покупки у Н. П. Тучкова земли в Бузулукском уезде Самарской губернии. На купленной земле он завел хутор на реке Таныык. Так возникло самарское имение писателя.

(Продолжение следует).